

На заседании Совещания епископов 26 февраля (11 марта) 1918 года Патриарх предлагает обсудить вопрос о чине Православия. 11-е анафематствование теперь изменяется следующим образом.

Прежний вариант

Помышляющим, яко православнии государи возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великаго сего звания в них не изливаются; и тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема

Новый вариант

Глаголющим хульная и ложная на святую веру нашу и Церковь, востающим на святые храмы и обители, посягающим на церковное достояние, поношающим же и убивающим священники Господни и ревнители веры отеческия, анафема

При возглашении *Вечной памяти* («Пострадавшим и убиенным в различных походах за православную веру...») снималось подчеркнутое уточнение, что делало этот текст относящимся и к новомученикам. Многолетия теперь должны петься Патриарху Московскому и всея России, Вселенским Патриархам (поименно), клиру, а также «христианского благочестия ревнителем и защитником Христовы Церкви, и всем православным христианом».

На следующий день, 27 февраля (11 марта), постановление Совещания епископов было оглашено на заседании Собора и принято к сведению¹⁸³.

Требование введения в богослужение молитв о новомучениках содержится в соборном определении «О мероприятиях, вызванных происходящими гонениями на Православную Церковь»:

1. Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений о гонимых ныне за православную веру и Церковь и о скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках. <...>

3. Установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января¹⁸⁴ или в следующий за ним воскресный день (вечером) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников¹⁸⁵.

15. Приложение: доклад профессора И. А. Карабинова <«Правило о поклонах»>

Публикуем доклад И.А. Карабинова <«Правило о поклонах»>, который был прочитан на 28-м заседании Отдела, состоявшемся 8/21 марта 1918 года¹⁸⁶. На основе этого доклада не было подготовлено никакого итогового документа.

Наш Типик в трех местах дает весьма подробные указания, в какие моменты и в каком количестве следует класть поклоны на службах суточного круга, за исключением Литургии: прежде всего эти предписания читаются в 9-й главе Устава – «О еже како подобает знаменати на всяк день, zde же указание о вечерни, и о утрени дней седмичных, и в них же поем *Аллилуиа* и о 1-м часе»; затем они повторяются под 14 ноября в главе о Рождественском посте, а также в отделах о Сырной среде и понедельнике первой седмицы Четыредесятницы. В богослужебной практике данные предписания точно не выполняются не только у нас, хромающих по части уставной строгости, но даже и у тех ревнителей ее, как наши старообрядцы и единоверцы. Причины

такого несоблюдения правил о поклонах разнообразны: одною из них, быть может, служит то, что эти правила имеют в виду ближайшим образом монахов, – для всех мирян они могут казаться несколько обременительными, но не меньшей причиной нарушения данных правил нужно считать и самый текст их, его неясность и недостаточную определенность. Весьма подробно отмечая количество поклонов и моменты богослужения, когда их следует полагать, уставные предписания очень мало говорят о том, как следует поклоны творить. Кроме того, они пользуются в отношении к своему предмету неустойчивой терминологией, различая поклоны великие, малые, метания и просто поклоны и не давая настоящих разъяснений, что под этими словами следует разуметь. Такая неясность предписаний Типика о поклонах повела к тому, что в богослужебной практике уже издавна стало обнаруживаться различное понимание этих предписаний. Припомним, что и первое столкновение у Патриарха Никона с приверженцами старого нашего обряда произошло из-за поклонов: изданной в 1653 году *Памятью* Никон применительно к греческой практике повелевал творить в пост на молитве Ефрема Сирина лишь 4 земных поклона, а остальные 12 – в пояс; его противники (согласно с прежними русскими обычаями) утверждали, что все 16 (17) поклонов должны быть земными. Введенная Патриархом Никоном греческая практика закреплена была впоследствии в особой статье «О поклонах и молитве церковное законоположение», которая внесена в издание нашего правленого Типикона и которая имеет претензию дать компетентное, подкрепленное ссылками на Священное Писание и отцов Церкви, изъяснение уставных предписаний о поклонах. Это законоположение решительно заявляет, что так называемый «великий поклон» есть земной поклон: «елико мощно главою до земли довести», «елико человек может право стоя, и ни мало наклоняся на землю поклонитися, и без некоего прибавления еже инии скамейцы представляют себе, иние же ино что и свою леность сим удобряют, и мнятся с правотрудящимися сравнятся во святых великих поклонех». Под термином же просто «поклон», по разъяснению «Законоположения», Типик называет обычный поясной поклон: «поклон же именуется, елико может человек право стоя поклонитися, не падая коленами, ниже главу преклоняти до земли, и се есть образ легкаго поклона». «Церковное законоположение» своей кажущейся авторитетностью закрепило и, так сказать, санкционировало то неправильное понимание уставных предписаний, которое оно проводит и которое установилось к XVII веку в греческой практике: своим претенциозным заглавием оно и доселе составляет одно из сильнейших препятствий к уразумению подлинного смысла указанных предписаний. Более внимательное чтение Типикона возбуждает большое сомнение в правильности взгляда, проводимого «Законоположением»: всего лишь несколькими строками выше его Типик в заключении отдела о понедельник первой седмицы Четырдесятницы говорит: «Се убо яко предписася един день свв. постов, приметно испытываше предложихом любви вашей. Количество пеня, и в нем воображенные от святых отцев поклоны, яже несть лепо презирати ниже великому законоположителю. Количество же деннонощных бывает в церкви поклонов суть 300, кроме полунощницы». Указанную сумму воображенных поклонов нельзя иначе получить, как считая вместе и так называемые великие поклоны, и малые, или легкие, соединяемые обычно с великими, и, наконец, просто поклоны или метания, указываемые Уставом в различные моменты богослужения, – поодиночке ни в одной из трех названных категорий 300 поклонов насчитать нельзя. А если Типик все эти виды поклонов объединяет в одной общей сумме и называет их все безразлично поклонами, возникает сомнение в правильности не только нашего «Церковнаго законоположения о поклонах», но и вообще всех установившихся на

практике пониманий и разъяснений Устава о поклонах. Сомнение это перейдет в полную уверенность, когда для уразумения нашего Типика мы привлечем более древние памятники Церковного Устава. Вместе с тем и смысл уставных предписаний о поклонах представится совершенно иным.

При свете исторических справок в наших традиционных и обычных представлениях об обязательных уставных поклонах оказываются две главнейшие ошибки. Первая из них состоит в том, что эти толкования сильно суживают применение устава о поклонах. В нашем ходячем представлении едва ли не единственным богослужебным временем с особенно широким употреблением поклонов является Святая Четыредесятница. Но, как известно, и для лиц, даже поверхностно знакомых с нашим Типиконем, там одинаковые с Великим постом правила о поклонах положены и для постов Рождественского и святых апостолов, или так называемого Петрова поста: глава о порядке богослужения в Рождественский пост под 14 ноября в значительной мере повторяет предписания Типикона о богослужении Четыредесятницы, а относительно богослужения в Петров пост Типик пишет: «В понедельник по памяти всех святых, аще несть празднуемого святого памяти, поем *Аллилуиа* на глас Октоиха и Троичны гласа, творяще и поклоны по чину Святой Четыредесятницы», прибавляя далее: «и о сем всем зри церковного последования, постов же и разрешений в ноемврии (гл. 51)», то есть в уставе о Рождественском посте. По-видимому, великопостный устав о поклонах наш Типик распространяет и на Успенский пост, так как в 15 дней этого поста, кроме Преображения Христова, заповедуется поститься до 9-го часа дня: «понедельник, среды и пяток сухо ясти и творити коленопреклонения, даже до причащения» (гл. 33).

Но кроме перечисленных постных периодов по смыслу 9-й главы Типика признаваемый обычно великопостный устав о поклонах должен распространяться вообще на все дни, когда поется *Аллилуиа*. Правда, заглавие этой главы и богослужебный календарь нашего правленного Типика, с одной стороны, и наша богослужебная практика, с другой – ограничивают пение *Аллилуиа* лишь временем постным, но некоторые признаки даже в нашем Типике указывают, что *Аллилуиа* и поклоны должны употребляться и вне постов. В самой 9-й главе не говорится, что *Аллилуиа* «может петься лишь в постные дни, – напротив, она представляет дело так, что *Аллилуиа* и *Бог Господь* употребляются одинаково равноправно в течение всего богослужебного лета. В 12–13 своих главах наш Типик излагает устав о субботней службе: в первой – при условии, егда поем *Бог Господь*, во второй – «аще прилучится и изволит настоятель в субботу пети *Аллилуиа*». Таким образом, употребление *Аллилуиа* в субботу не ограничивается одним только постным временем и предоставляется даже просто на усмотрение предстоятеля.

Между тем по классификации типов богослужения в нашем Уставе субботнее богослужение, по сравнению с простодневым, представляется более важным, более торжественным, по своему строю занимающим середину между богослужением воскресным и простодневым. Если относительно субботнего богослужения наш Типик сохранил возможность пения *Аллилуиа* в течение всего года, то и ограничение его в употреблении *Аллилуиа* за простодневыми богослужениями лишь постами представляется сомнительным; можно предполагать, что и в будничном богослужении *Аллилуиа* может употребляться круглый год. Справка с уставами даже не особенно большой древности вполне подтверждает это предположение. Если мы возьмем, например, наши старопечатные издания Типика при Патриархе Филарете, то найдем в них, прежде всего, несколько иное надписание главы о простодневном богослужении, соответствующей нашей 9-й. В то время как наш Типик дает в ней устав о богослужении дней

седмичных, «и в них же поем *Аллилуиа*», то есть очевидно, различая просто будничные дни от богослужения с *Аллилуиа*, филаретовский Типик озаглавливает просто: «здесь о вечерни, и о утрени, днем седмичным, в них же поем *Аллилуиа*», то есть по смыслу этого заглавия, седмичные, то есть будничные, дни и суть именно дни с *Аллилуиа*. Наш Типик, применительно к своему надписанию 9-й главы, в календаре (месяцесловной части Типикона. – *Ред.*) действительно *Аллилуиа* отмечает памяти, приходящиеся на периоды наших основных 4 постов; в прочие числа, правда, он не указывает всюду обязательного пения *Бог Господь*, но зато всегда полагает тропарь, что почти одно и то же.

Между тем в календаре филаретовского издания Типика сохранились ясные следы употребления *Аллилуиа* и вне рамок постов: например, там *Аллилуиа* полагается 23 июля на память святых мучеников Трофима и Феофила и иже с ними. Но в основе Филаретовского издания лежит сравнительно поздняя редакция Устава – XV века, когда употребление *Аллилуиа* за пределами постов стало уже значительно сокращаться. Если мы обратимся к более древним памятникам Устава, то по мере углубления в древность мы чаще и чаще будем встречать в их месяцесловах пометки *Аллилуиа* для чисел и памятей, приходящихся на внепостное время. И в то же время эти древние Уставы не содержат нарочитых ограничений относительно употребления лишь одними постными днями. Таким образом, в старину *Аллилуиа* и связанные с ним поклоны употреблялись гораздо чаще, чем в нашем богослужении: можно даже сказать, что сравнительное употребление *Аллилуиа* и *Бог Господь* в более отдаленное время стояло, по сравнению с нашей практикой, в обратном отношении. Более старые редакции Иерусалимского Устава в монашеском его изложении в сущности знают лишь два вида богослужебных дней: праздничные с *Бог Господь*, или так называемые с тропарем; и будничные – с *Аллилуиа*.

Со стороны порядка и особенностей богослужения последние значительно разнились от первых. Так как во дни с *Аллилуиа* не полагается на вечерне входа в алтарь, то, быть может, применительно к этому в старину в такие дни священнослужители не облачались даже в священные одеяния, а отправляли службу в обычных своих одеждах. *Аллилуиа* непременно соединялась для монахов с обязательным количеством поклонов в храме, за исключением субботного богослужения, а также с физическим трудом в виде монастырских работ или рукоделия во внебогослужебные часы и, наконец, с ограничением в трапезе. Напротив, простая отметка в Типике *Бог Господь* или тропарь влекла за собой и отмену поклонов (они сохранялись лишь для произволяющих в домашнем или келейном правиле) и часто свободу от работ, а по некоторым Типикам, например по Студийскому, – даже уменьшение богослужения в виде отмены или сокращения целых служб – часов и повечерия. Освобождение от обязательных поклонов в храме в старину для монахов было немалой льготой, так как все указываемые Уставом на службе с *Аллилуиа* поклоны были земными. Здесь мы встречаемся со второй ошибкой в нашем традиционном понимании уставных предписаний о поклонах, которое считает земными поклонами лишь так называемые великие поклоны (как это проводится в нашем «Церковном законоположении»). <...> Выше было уже отмечено, что даже наш Типик говорит вообще о 300 обязательных поклонах в Четыредесятницу, не разбивая их по способу исполнения ни на какие группы. При тождестве Устава о поклонах в Четыредесятницу с предписаниями об этом для всех богослужебных дней с *Аллилуиа*, очевидно, указанное число распространяется на все такие дни.

Преподобный Никон Черногорец в своих писаниях ясно и решительно свидетельствует, что все эти поклоны должны считаться земными: «и просто по чину», – пишет он в своем Типике, – да бывают коленопреклонения вся, якоже подобно есть, потонку,

и якоже Иерусалимский Типик сказует и яже посреде собраний, реше на *Святый Боже*, на *Приидите*, *поклонимся*, и на прочее тонкочастье: вся же должны есмы до земли творити, по образу святых отец» (Тактикон, Слово 1). И в другом месте: «после перечисления количества поклонов и моментов богослужебных, когда они творятся, – «всегда до земля та сотворяют» (Пандекты, Слово 57). Принятое в нашем Типике исчисление поклонов и распределение их по отдельным моментам служб, кажется, иерусалимское: кроме большой группы поклонов в количестве 15, стоящих в конце каждой службы, большую часть остального количества поклонов это распределение соединяет по 3 с некоторыми наиболее употребляющимися на службах молитвословиями, – *Приидите*, *поклонимся*, *Трисвятым* (за исключением начала утрени и *Трисвятого* на повечерии после *Пресвятой Владычице Богородице*). А с заключением стихословия псалмов и каждым *Аллилуиа* – 3, *Слава Тебе, Боже* (исключение – середина шестопсалмия), затем с тропарем и Богородичным часов, далее с некоторыми особенными песнопениями, например *Достойно есть* по окончании канона, а также вечерни в Четыредесятницу, с припевом *Хвалим, благословим* и великим славословием на утрени, *Сподоби, Господи* и отпустительными тропарями на вечерни (*Богородице Дево, Крестителю...*, *Молите за ны...*), с группой молений на повечерии *Пресвятая Владычице* и, наконец, просто при входе в храм пред каждой службой.

Несколько отличный от иерусалимского счет и распределение поклонов были приняты в Студийском и древнем Святогорском Уставах. По древнейшим памятникам Студийского Типика, количество малых или легких поклонов, сопровождавших великие, было не 15, а 25; затем эта группа поклонов выполнялась с молитвой Ефрема Сирина, а с многократным повторением *Господи, помилуй* (сменявшихся у студитян вариантом *Христе, помилуй*) – в конце каждой службы. Эти старые студийские памятники не указывают обычно подробно распределения поклонов по отдельным моментам службы, а назначают круглые цифры для каждого последования: для часов – по 20, на вечерни – 30, на утрени – 40 и для повечерия – 50. В общем должно составиться для всего суточного круга около 350 поклонов. В Четыредесятницу это количество значительно увеличивалось: на вечерни и часах прибавлялось по 10 поклонов, а на утрени с повечерием число их увеличивалось вдвое против обычного времени, так что общая суточная норма их должна повыситься до 500 (490). Древнейшие Святогорские Уставы также указывают общие цифры поклонов для отдельных служб: суточная норма их несколько ниже студийской, в обычное время она почти равняется иерусалимской, в Четыредесятницу же несколько превышает 400.

Более поздние памятники Студийского и Святогорского Типика дают и подробные расписания поклонов по отдельным моментам служб: в основном они приближаются к иерусалимскому распределению, но в подробностях уклоняются: например, в них не указывается поклонов после Богородичных на часах, на *Хвалим, благословим* и др. <...> Но зато в названных памятниках сохранилось еще много указаний и отметок, что все рассматриваемые нами поклоны должны быть земными: весьма нередко, указывая ту или иную группу поклонов, они прибавляют *великие*. Затем в этих памятниках можно найти немало разъяснений и относительно возбуждающего множества недоумений вопроса, чем различаются так называемые *великие* поклоны от *малых*, или *легких*. Оказывается, это различие состоит не в способе совершения поклонов, т. е. не в телодвижении, а просто в темпе, или в большей или меньшей скорости их выполнения. В студийских памятниках об этом читаем: «По окончании службы говорим *Господи, помилуй, Христе, помилуй* – 20 раз прежде всего 3 поклона все равночинно, следуя за предстоятелем, причем немного задерживаемся при падении ниц и затем,

поднявшись, воздвигаем руки к Богу. А потом творим и другие 12 поклонов, как скоро каждый может» (другими словами, опять следуя предстоятелю).

Другой памятник описывает поклоны подробнее: «По молитве *Иже на всякое время...* творим обычные коленопреклонения: могущие – прямо на голом полу, а немощные – на <...> низенькие подставки или подстилки. Из этих поклонов три совершаются медленнее настолько, чтобы на них, стоя с распростертыми руками, можно было произнести трижды – *Боже, милостив буди мне, грешному*, а затем при преклонении колен и головы до земли: *Согреших Тебе, Господи, прости ми* – также трижды. Остальные 12 поклонов совершаются быстрее, так, чтобы на каждом поклоне и стоянии произносить приведенные молитвенные слова однажды, но тем не менее следует исполнять эти поклоны наравне и с подобающим благочинием: не так, чтобы одни упреждали, а другие отставали, но пользуясь в качестве общего руководителя еклисиархом или чередным священником, которые стоят вблизи алтарной преграды и указывают порядок»¹⁸⁷.

В иерусалимской практике для трех великих, или, точнее, медленных, поклонов принята одна более продолжительная сравнительно с упоминаемыми выше молитвами святого Ефрема, причем старейшие памятники Иерусалимского Устава, по-видимому, предписывают, чтобы не с разделением на три части, а полностью при каждом отдельном поклоне, то есть всего три раза в начале поклонов и затем еще раз на заключительном из 12-ти, или по общему счету, на 15-м поклоне. Как видно из приведенного выше отрывка, иные 12, или так называемые малые (легкие) поклоны, совершались не особенно быстро, если за каждым из них можно было прочесть две кратких покаянных молитвы: за это время сравнительно нетрудно по иерусалимскому обычаю прочесть на 15-м поклоне полностью молитву святого Ефрема.

И древнерусская, и позднейшая греческая практика¹⁸⁸, отклонились от старинного правила о поклонах. Уклонение первой состоит главным образом в исчислении поклонов. Еще филаретовские издания Типика указывают общую сумму их правильно, но несколько более поздние издания (например, иоасафовское 1641 года – оригинал единоверческого издания), вероятно, вслед за установившейся практикой вместо 15 указывают 17 поклонов, заявляя: «А еже написано 15 поклонов, и то написано от неведения» (л. 260 об.). Увеличение произошло вследствие того, что к основным 15, прежде всего, присоединен был земной поклон, творимый на предшествующей молитве святого Ефрема – *Честнейшую*, а затем первоначальное предписание о чтении *Господи и Владыко* целиком на 15-м поклоне разъяснили в смысле необходимости класть при этом особый 13-й, сверх 12-ти, поклон; таким образом и получилось 17 поклонов. Но тот же иоасафовский Устав в отдельных местах сбивается в нумерации и счете поклонов: в одних местах он говорит о трех великих поклонах, в других – о четырех; «иных» поклонов он также указывает то 12, то 13. Но, внося ошибку в счет поклонов, старая русская практика сохранила правильное их исполнение. Поздняя греческая практика погрешила и в том, и в другом: она тоже прибавила один лишний заключительный поклон, а затем обратила 12 «иных» поклонов из земных в поясные.

Текст предписаний о великих поклонах в нашем Типике содержит несколько искажений, перенесенных в него из старопечатных и совершенно извращающих смысл: «творим, – читаем там (понеделник 1 седмицы, утренняя), – и прочих 12, излегка, утомления ради». <...> Подлинный смысл данного места почти совершенно противоположен тому, который дается нашим Типиком и который действительно представляет материал и повод считать 12 «иных» поклонов легкими, малыми, поясными, назначенными для отдохновения от предшествующих земных поклонов.

Наряду с неисправностью нашего Типика в предписаниях о поклонах следует отметить и другую его неисправность – относительно коленопреклонений на Преждеосвященной Литургии. Об этом Типик повелевает: «Чтец: *Да исправится молитва моя*. Тогда правого и левого лика и предстоящий народ обе страны во всей церкви стоят на коленях, дондеже пропоют», и далее опять несколько раз повторяется «стоят на коленях». Любопытно, что современные греки, не сохранившие великих поклонов, на *Да исправится* Преждеосвященной Литургии не стоят на коленях, но кладут земные поклоны. Хотя даже новопечатные греческие Триоди об этом заповедают: «Когда домостик поет, мы молясь лежим (на коленях)», то есть как раз то, что соблюдается нашими старообрядцами и единоверцами. Наш Типик в данном случае содержит не просто ошибочный перевод, а по-видимому, совершенно сознательную и намеренную поправку, перенесенную в него из никоновской правленной Триоди 1656 года, служившей для него источником, а в никоновскую Триодь эта поправка, нужно думать, попала, в свою очередь, из киевской правленной Триоди, служившей для никоновского издания источником славянского текста. Совершенно так же, как и на Преждеосвященной Литургии, следует творить коленопреклонение и на вечерне Пятидесятницы: о нем современный наш Типик говорит просто – «нам же преклоншым колена и непокровенным сущим». Старые Типики, кроме того, отмечают, что иерей читает молитвы «преклонив главу»¹⁸⁹, а Студийский Типик Патриарха Алексия решительно пишет: «На слусе всем из алтаря, всем на колену лежащим», то есть как читаются эти молитвы (15) и доселе у старообрядцев и единоверцев.

Из сказанного ясно, что в настоящее время устав об обязательных поклонах на церковном богослужении в точности не выполняется ни у нас, ни у старообрядцев, но у последних он хранится все-таки значительно лучше, чем у нас. Требовать ныне полного и точного соблюдения этого устава в первоначальном его смысле и значении для всех верующих без исключения невозможно: во-первых, практически эта невозможность доказывается многовековым богослужебным опытом, свидетельствующим о давнишних и постоянных попытках ослабить строгость предписаний данного устава даже в монашеском быту. Несомненно, такие попытки будут продолжаться и в будущем, если устав будет возобновлен. Во-вторых, – и это самое главное – устав о поклонах есть законоположение из области монашеской дисциплины, неудобноносимое для мирян.

Миряне в древности в данном <отношении> подчинялись Уставу: они обязаны были на повседневном и постном богослужении творить не столько земные поклоны, сколько коленопреклонения, какие разумеются нашим Уставом при пении *Да исправится...* и на вечерне Пятидесятницы; такие коленопреклонения совершались мирянами на ектениях и сопровождающих их молитвах. Вот почему в древних рукописях греческих в некоторых службах тексты ектений имеют прибавку – «преклонше колена». Конечно, в общем счете за круглосуточное богослужение подобные коленопреклонения составят немалый труд и подвиг, но все-таки, думается, более легкий и выполнимый, чем 300 земных поклонов. Ввиду всего этого и распространять устав о поклонах в полном его виде на всех мирян можно только в виде пожелания, совета, но отнюдь не принуждения.